

Музей как место примирения | Musée comme lieu de réconciliation

Auteur: Надежда Сикорская, [Баден](#) , 10.01.2025.

Картина Поля Сезанна, проданная за 33,5 млн долларов Photo © Christie's

Ни одна из сфер нашей жизни не оказывается обойденной политикой, а ошибки нечистоплотных предпринимателей часто приходится расхлебывать искусствоведам и историкам.

|

Aucun domaine de notre vie n'échappe à la politique, et les historiens de l'art et les

historiens sont souvent confrontés aux erreurs d'entrepreneurs peu scrupuleux.

Musée comme lieu de réconciliation

Приближаются праздничные дни, в течение которых многие из вас наверняка выберутся в музеи – интерактивная афиша Нашей Газеты подскажет самые интересные выставки, проходящие в Швейцарии. Перед этой практической, так сказать, частью культпохода мы предлагаем вам немного поразмышлять над теорией, а именно над дополнительной новой ролью, которую играют музеи в современном обществе – ролью восстановителей справедливости.

Наша Газета уже не раз приводила конкретные примеры ситуаций, когда тот или музей сталкивается с дилеммой: возвращать или нет произведения искусства, оказавшиеся в его собрании незаконным путем?

Дебаты о репатриации культурных ценностей, награвленных или разграбленных, не новы. Они возникли в результате двух крупнейших событий 20 века: обретения Африкой независимости в 1960-х годах и Второй мировой войны, в течение которой нацистские грабежи были делом обычным.

В то время как некоторые музеи неохотно возвращают произведения, на которые претендуют страны или общины их происхождения, защищаясь принципом неотчуждаемости коллекций, другие действуют более активно. Например, Этнографический музей Женевы вернул несколько предметов, в том числе священную маску и церемониальную погремушку народу хауденосауни, больше известному как ирокезы - в 2023 году этому была посвящена торжественная церемония с участием мэра города.

Каждый случай возвращения произведения искусства связан со сложными юридическими процедурами и настоящими детективными расследованиями, необходимыми для установления его происхождения и траектории.

Бывшие колониальные державы, например Великобритания и Франция, особенно обеспокоены этим вопросом. В 2017 году президент Франции Эммануэль Макрон заказал доклад об африканском наследии. Его авторы пришли к выводу, что почти 90 % культурного наследия Африки находится в зарубежных музеях: около 70 000 экспонатов в парижском музее на Набережной Бранли, 69 000 - в Британском музее, 75 000 - в Форуме Гумбольдта в Берлине и 180 000 - в Музее Африки в Бельгии. Хотя авторы доклада выступили за немедленное и окончательное возвращение произведений, приобретенных незаконным путем, предпринимаемые конкретные шаги иногда наталкиваются на нежелание государств, но при этом могут служить их экономическим и дипломатическим интересам. В качестве примера уместно вспомнить, как в 1993 году Франсуа Миттеран, в рамках торговых переговоров с Южной Кореей о покупке высокоскоростных поездов TGV и технологий, безвозмездно вернул этой стране древнюю рукопись.

Помимо произведений искусства и предметов культуры, некоторые западные музеи хранят в своих запасниках и человеческие останки. В 2002 году Южная Африка добилась возвращения останков Сары Баартман, молодой женщины, родившейся около 1789 года на территории, которая в то время была голландской колонией. Вывезенная в Европу, Сара Баартман выставлась как урод в Англии, а затем во Франции, где ее прозвали «готтентотской Венерой». После смерти ее тело было

препарировано и выставлено в Музее человека, чтобы подтвердить теорию о существовании иерархии людей по их физическим характеристикам. С подобной проблемой столкнулись в 2014 году и в Женеве, когда в городском Музее естественной истории появилась заспиртованная отрезанная голова из южной Африки: женевский университет предоставил голову музею для антибактериальной обработки. К сожалению, попытки выяснить происхождение оставшегося без головы человека оказались безуспешными и в конце концов голову похоронили на женевском кладбище Сен-Жорж, на участке Неизвестных, чтобы восстановить ее достоинство.

Вопрос реституции не ограничивается этнографическими музеями. В последние годы он коснулся и музеев естественной истории, сам фундамент коллекций которых часто создавался в условиях колониальных режимов. Так, знаменитый оригинальный скелет тираннозавра Рекса, висящий у входа в Берлинский музей естественной истории, был раскопан во времена немецкого правления в Танзании в 1910-х годах.

Дебаты о реституции музейных произведений в самом разгаре, но единого мнения пока нет: для многих они подрывают понятие «универсального музея», родившееся в XVIII веке, согласно которому роль великих музеев, таких как Лувр или Британский музей, заключается в том, чтобы собрать в одном месте все мировое культурное наследие. Сторонники же реституции считают, со своей стороны, что пора расширить географию универсальных музеев и создать их аналоги в африканских или азиатских странах, сделав их не только местами для хранения и изучения экспонатов и выставок для широкой публики, но и для встреч, диалога и даже возмещения ущерба и примирения. Согласитесь, отлично подошел бы для музея дворец бывшего президента Сирии, жаль, что новые правители страны поторопились его разграбить и сжечь.

При всех перечисленных сложностях вопросы реституции, обсуждаемые на уровне государств, все же решаются с меньшей долей эмоций, чем в случаях восстановления справедливости в отношении еврейских семей, ограбленных нацистами. Важнейшую работу в этой области уже провели музеи Цюриха, Базеля, Ла Шо-де-Фона и Берна, а теперь настала очередь баденского Фонда Лангматта <https://nashagazeta.ch/news/culture/shedevry-iz-muzeya-langmatta-v-gostyah-u-fonda-ermi-tazh>, о котором мы рассказывали прошлым летом, когда шедевры из его коллекции выставлялись в лозаннском Фонде Эрмитаж.

Выяснилось, что возникли вопросы о происхождении тринадцати картин, приобретенными супругами Дженни и Сиднеем Браун в период с 1933 по 1940 год. Экспертам, работавшим при поддержке Федерального ведомства по культуре, потребовались три года для вынесения вердикта.

Два произведения были признаны подозрительными. «Явно проблемные», как говорят в таких случаях. Необходимо было найти «справедливое и равноправное решение». Речь о реституции не шла, поскольку не было доказательств откровенного грабежа. Законные наследники имеют в таких случаях право на сумму, о которой общественность не узнает. Так обычно поступают в Художественном музее Базеля, который хорошо управляет делами. Сделка считается окончательной. Дальнейшее обсуждение этого вопроса (как правило) не допускается. Именно поэтому музей обычно делает первый шаг – связывается с наследниками, не обращаясь к юристам.

Одна из картин, «Рыбачки на пляже» Эжена Будена, была куплена в женевской

галерее в мае 1936 года. Изначально она принадлежала коллекционеру еврейского происхождения, и этот факт в сопоставлении с датой сразу вызывает вопросы. Со второй картиной дело разрешилось проще: полотно Поля Сезанна «Фрукты и горшок с имбирем» было продано в прошлом году на аукционе Christie's в Нью-Йорке, чтобы фонд смог поправить свои дела. Финансовый успех можно оценить, как умеренный – фонд получил всего 33,5 миллиона долларов, и частью этой суммы пришлось поделиться. Известно, что Брауны нашли этот натюрморт в одной из галерей Люцерна в ноябре 1933 года и он тоже имел еврейское происхождение. При этом, как сообщил сайт FranceInfo, бывший владелец, Якоб Гольдшмидт, дожил до 1976 года и при жизни на деньги не претендовал.

[музеи Швейцарии](#)

[Надежда Сикорская](#)

Nadia Sikorsky

Rédactrice, NashaGazeta.ch

Статьи по теме

[Расстанется ли Художественный музей Базеля со своим «Таможенником»?](#)

[Кунстхаус Цюриха всерьез взялся за провенанс своей коллекции](#)

[Наследство Гурлитта: итоги](#)

Source URL: <http://www.nashagazeta.ch/news/culture/muzey-kak-mesto-primireniya>